

послание, хотя сам Киприан называет его грамотой. Это своего рода обвинительная и вместе с тем защитительная речь. Если в рассмотренных трех посланиях Киприана преобладает мотив смирения и кротости, то во втором послании этих настроений не ощущается: Киприан обвиняет великого князя, предаёт проклятию всех «елици причастни» его «иманию и запиранию, и бещестию и хулению», осуждает Сергия и Федора за то, что они не вступились за него, и страстно защищает свое право на митрополию. Все это обусловило стилистические особенности рассматриваемого послания.

Киприан часто ставит риторические вопросы, вводит риторические восклицания, что придает эмоциональную приподнятость всему тексту: «Тако ли не обретесе никто же на Москве, добра похотети души князя великого и всей отчине его? Все ли уклонишася и непотребне быша?»; «Вы же, иже мира отреклися есте и иже в мире и живете единому богу, како толику злобу видив, умолчали есте? Аще хоцете добра души князя великого и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред цари не стыдяся: аще быша вас послушали, добро бы, аще быша вас убили, и вы святи!»; «А еще страшно и трепетно и всякиа грозы исполнено, еже творить: садиться в святемь олtare на наместном месте! Веруйте, братия, яко лучши бы ему не родиться».

Стремясь подчеркнуть что-либо, желая остановить внимание читателя на какой-нибудь мысли, Киприан достигает этого путем подбора синонимических рядов, перечислением грамматически однородных определений, раскрывающих разные стороны того или иного явления, действия: «А еще страшно и трепетно и всякиа грозы исплнено, еже творит»; «Яз божим изволением и избранием великаго и святаго сбора, и благословением и ставлением вселеньскаго патриарха»; «Елици причастни суть моему иманию и запиранию, и бещестию, и хулению» и т. п.

Повторения одних и тех же слов в стоящих рядом предложениях, в том числе и анафорические, встречающиеся в рассматриваемом послании, придают ему своеобразную ритмичность: «Яз к нему ехал есмь благословити его, и княгиню его, и дети его, и бояр его, и всю отчину его»; «Церкви святыа ставил есмь, христианство утвердил есмь, места церковная, запустошена давными леты, оправил есмь»; «Брату нашему, Олексеви митрополиту, не волно было слати ни в Волынскую землю, ни в Литовскую владыку которого или звати, и ли дозрети которое дело церковное, и ли поучити, и ли посварити на кого, и ли казнити вину ватаго, и ли владыку, и ли архимандрита, и ли игумена, и ли князя поучити, и ли боярина».

Эти приемы определили яркую риторичность второго послания, которая, однако, не является самоцелью; приемы риторики используются Киприаном умеренно и искусно. Риторичность здесь служит большей выразительности текста, подчеркивает публицистическую направленность этого послания. Необходимо отметить, что когда Киприан говорит о конкретных вопросах — о расправе, учиненной над ним в Москве, о своих деяниях в Литве, — то язык его прост, ясен, пестрит бытовыми выражениями, синтаксические конструкции несложны: «Он же пристави над мною мучителя, проклятаго Никифора. И которое зло остави, еже не сдея над мною? Хулы, и наругания, и насмехания, грабления, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго, и от тоя ночи студени и нынеча стражу. Слуги же моя, над многим злым, что над ними здеали, отпуская их на клячах либвых, без седел, во обротех лычных, из города вывели ограбленных и